

От надзорной демократии к надзорной империи: общественные движения после капитализма¹

Куда обращается коренная перуанка, лидер движения в поддержку прав аборигенов, если она хочет остановить экономический проект в демократической стране Перу? Ответ может показаться весьма неожиданным: в Конгресс США. Дайси Сапата Фасаби, вице-президент Ассоциации межэтнического развития перуанской Амазонии, 29 апреля 2010 года выступила перед комиссией Конгресса для того, чтобы «попросить американский Конгресс использовать его добрые услуги для помощи нашим народам в их стремлении заставить правительство Перу уважать права коренных народов, особенно в отношении их законной собственности и исконных земель проживания». Она также попросила Конгресс оказать давление на перуанское правительство, чтобы оно прислушивалось к мнению коренных народов, взяло на себя ответственность за влияние, которое оказывают соглашения о свободной торговле на быт коренных народов, а также помогло в освобождении от преследования лидера коренных народов Перу Альберто Писанго Чота [3, p. 42].

Современный мир может состоять из номинально суверенных государств, но в некоторой степени он также характеризуется возглавляемой США системой глобального управления или даже «правительства». Эффективный суверенитет всех стран мира частично принадлежит отдельным странам, частично – глобальным институтам, а также частично Соединённым Штатам. Ограничения на эффективный суверенитет применяются к каждой стране, хотя одних это касается всё же больше, чем других. Таким образом, для мира в целом характерен юридический плюрализм: все люди во всём мире в той или иной степени подчинены чужим законам и правительствам, не считая своих собственных. Ограничения эффективного суверенитета наиболее остро ощущаются в самых бедных странах мира. Подобное явление описывает избитый афоризм о том, что государство лишено истинного суверенитета тогда, когда рядовые граждане знают имя представителя МВФ в их стране.

Что же касается исполнения глобальных управленческих решений, которые призваны ограничить суверенитет номинально независимой страны, санкции и другие меры воздействия могут быть эффективными, но только если они введены Соединёнными Штатами. Поэтому другие страны редко используют санкции и меры принуждения, если их не поддерживают США. Четыре ближайших крупных англоговорящих союзника Америки почти всегда следуют за ней, и

¹ Перевод статьи *Salvatore Babones From Monitory Democracy to Monitory Empire: Social Movements after Capitalism*, стр. 62-71 наст. изд.

В последнее время журнал публикует статьи иностранных исследователей на языке оригинала, однако в данном случае редакция считает, что работа С. Бабонеса достойна одновременной публикации на двух языках с тем, чтобы и русскоязычная аудитория могла с ней ознакомиться.

хотя Европейский Союз не всегда согласен с действиями Вашингтона, он редко открыто противостоит США. Это подтверждают санкции против Ирана и России, смена режимов в Ираке и Ливии, избирательное применение норм международного права в отношении Израиля, а также множество примеров деятельности международной полиции (Интерпола) в последние десятилетия. Со времён Суэцкого кризиса 1956 года аксиомой международных отношений оставалось невмешательство ключевых европейских держав в дела остального мира, если у них нет активной поддержки США. А вот Соединённые Штаты не проявляют подобной сдержанности. Даже наоборот, они регулярно, ссылаясь на международное право, высказывают претензии, затрагивающие суверенитет других государств, в то время как сами не соглашаются подчиняться требованиям международного права.

Этот односторонний юридический плюрализм играет гораздо более важную роль в формировании социальных, экономических и политических реалий современной мир-системы, чем принято считать. Вопреки устоявшимся взглядам, американская гегемония не только не находится в упадке, но находится в стадии экспансии, чтобы создать настоящую мир-империю. Это оказывает неоднозначное влияние на американскую демократию, но имеет вполне определённые последствия для других демократических стран, которые постепенно низводятся до разновидности местного демократического самоуправления в рамках более крупной имперской системы. В конечном счёте эти две тенденции приводят к тому, что большинство людей в мире существует в рамках того, что можно назвать надзорной империей: надзорное гражданское общество, функционирующее в глобальной имперской среде. Уход демократической политики сегодня ведёт к наступлению эпохи пост-политики, поскольку активисты общественных движений адаптируют своё поведение к реалиям Американской мир-империи и тем ограничениям, которые она (мир-империя) накладывает. Цепь рассуждений целесообразно начать с осознания того, что американская мощь не приходит (как широко рекламируется) в упадок, а на самом деле сильна и продолжает свой рост.

Концепция Американской мир-империи

Суверенитет не может быть абсолютным. На протяжении истории многие страны и народы были принуждаемы полностью или частично уступать свой суверенитет другим державам посредством колониализма, протектората, «доктрины Монро», элементарного благоразумия (т.е. стремления избежать военного вторжения) и других механизмов. Совсем недавно многие формально независимые страны добровольно отказались от части своего суверенитета для того, чтобы вступить в ЕС или получить статус кандидата на вступление. Другим странам приходится уступать свой суверенитет, поскольку цена несоблюдения устанавливаемых США или Евросоюзом торговых или пограничных правил слишком высока, чтобы её игнорировать. В Норвегии подобный вид урезанного эффективного суве-

рентита даже имеет своё название: «правительство по факсу». Как член Европейской экономической зоны (European Economic Area), Норвегия обязана принимать экономические правила Европейского Союза и делать их частью своего внутреннего законодательства, но при этом она практически не имеет возможности влиять на формирование этих норм.

На вершине глобальной системы усечённого эффективного суверенитета находятся Соединённые Штаты. Другими словами, соединённые Штаты являются гегемоном современной мир-системы. Валлерстайн определяет гегемонию как «ситуацию, при которой продолжающееся соперничество между так называемыми "великими державами" настолько не сбалансировано, что одна держава ... в значительной мере способна навязывать другим свои правила и желания (по крайней мере, путём наличия у неё эффективного вето) в экономической, политической, военной, дипломатической и даже культурной сферах» [5, р. 38]. Гегемония часто неправильно понимается как функция экономического лидерства. Для Валлерстайна, как и для Грамши, экономическое лидерство не является ключевым критерием гегемонии. Ключевой критерий – эффективный контроль над мировой политической, экономической и культурной системами мира, который зиждется на том, что гегемон определяет, какие действия считаются возможными в мире. В конечном счёте, гегемония существует в сознании.

Политически влияние США не ограничивается правом вето в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций. Учитывая тот факт, что на территории США располагается штаб-квартира ООН, США посредством визовых процедур имеют возможность определять тех, кто может обратиться к Организации, а кто – нет. США и четыре их ближайших англоговорящих союзника (так называемый «ЭШЕЛОН»), или страны «пяти глаз») ведут мониторинг мировых коммуникаций, в то время как контролируемый США блок НАТО доминирует на Европейском пространстве. Нет нужды много рассказывать о глобальном охвате американской военной мощи. США располагают правом вето и сохраняют эффективный контроль над G7, МВФ, Всемирным банком, ВТО и ОЭСР. Те глобальные экономико-политические организации, что не находятся под контролем США (МОТ, ЮНКТАД, ПРООН и региональные экономические комиссии ООН) в основном оттеснены на обочину. В рамках торговых и инвестиционных переговоров с Европой Соединённые Штаты занимают позицию старшего партнёра; в отношениях со странами, находящимися за пределами Европы, доминирование США практически во всех случаях близко к абсолютному. Почти все существующие многосторонние торговые и инвестиционные соглашения предусматривают участие США. Американские компании контролируют Интернет. Американская политическая повестка, которая сегодня включает в себя индивидуализм, милитаризм и неолиберализм, а также формальную демократию и уважение к свободе слова и вероисповедания, ничем не отличается от установившейся общемировой политической повестки.

Кроме того, хотя американское экономическое превосходство испытывает медленный спад, доминирование Америки в политической сфере демонстрирует неуклонный рост. Собственно Соединённые Штаты – суверенное государство с фиксированными границами, но щупальца Американской мир-империи распространяются гораздо дальше. Ключевые союзники Америки из числа англоговорящих стран полностью интегрированы в военно-политические операции США. Главные партнёры Америки по НАТО и союзники на Тихом океане – в сущности, клиентские государства; их внешняя политика не является самостоятельной от линии Соединённых Штатов или, по крайней мере, не противоречит ей. Индия в значительной степени подчинилась реалиям американского могущества. Главные конкуренты США (Китай и Россия) испытывают трудности даже с тем, чтобы поддерживать влияние в своих бывших территориальных владениях. На море Китай даже в пределах самопровозглашённых морских границ сталкивается с мощью американского флота, а Россия вынуждена мириться с наличием флота США в Чёрном море. Иран, истощённый 35 годами изоляции и окружения, похоже, готов просить мира на переговорах с бывшим Большим Сатаной. Логика, по которой слабые государства стремятся примкнуть к более сильной державе (*bandwagoning*), гарантирует, что Соединённые Штаты будут долго оставаться недосыгаемым и неоспоримым гегемоном вне зависимости от их текущего или будущего валового внутреннего продукта.

Тем не менее, соединённые Штаты – это больше, чем гегемон. С момента своего формирования в XVI веке мир-система нового времени представляла собой капиталистическую мир-экономику, регулируемую глобальными рынками, на которых отдельные государства оказывали весьма ограниченное влияние на политические решения: для Валлерстайна сущность капитализма в том, что все государства в конечном счёте подчинены рынку. Но в XXI веке это, возможно, уже не так. Рынок превращается в объект американского управления, всё больше зависит от продвигаемых и во многих случаях диктуемых Америкой торговых и инвестиционных соглашений. Это особенно очевидно на примере таких сверхприбыльных отраслей, как банковское дело, фармацевтика, энергетика и инфраструктурные услуги. Прибыли во всех этих отраслях зависят не от успеха на рынке, а от поддержки правительства. Тот факт, что почти все крупнейшие в мире технологические компании являются американскими, не может быть простым совпадением.

В конце 1990-х – начале 2000-х Соединённым Штатам, их самым богатым гражданам, их крупнейшим корпорациям и их партнёрам по саммиту в Давосе, наконец, удалось покорить рынок и утвердить экономику, основанную на централизованной системе политического управления экономическими выгодами: Американскую мир-империю. Если капиталистическая мир-экономика характеризуется тем, что элиты обращаются за поддержкой своих интересов к политическим государствам, то для пост-капиталистической мир-империи характерен механизм, при котором элиты используют свою

экономическую мощь для того, чтобы поддержать свои интересы в глобальном политическом распределении привилегий (например, компании индустрии развлечений, использующие договоры в области интеллектуальной собственности, чтобы расширить область применения авторских прав; использование компаниями, добывающими ресурсы, договоров об урегулировании с целью обхода национального экологического законодательства и т.д.). Современные историки считают 1500-е годы периодом формирования капиталистической мир-экономики. Когда же историки будущего задумаются о символической дате рождения Американской мир-империи, они, безусловно, сойдутся на 11 сентября 2001 года.

Надзорная демократия

В выдающейся, но по необъяснимым причинам являющейся единственной в своём роде книге «Жизнь и смерть демократии», Джон Кин выделяет три исторические стадии жизни демократии: прямую, представительную и (наиболее позднюю) надзорную [1]. Автор явно строит своё описание по принципу телескопа: считается, что первая жизнь началась 2500 лет назад (закончилась после захвата македонцами Афин в 260 г. до н.э.); вторая жизнь началась 100-200 лет назад (был близка к смерти во время Великой депрессии), и третья жизнь стартовала в 1945 году. Сотни лет существования Римской республики мимолётно упоминаются Кином в одном предложении («До конца первого века до нашей эры, но лишь недолго, Римская республика была чем-то вроде исключения из анти-демократического тренда.» [1, р. 127]), западные демократии в историческом промежутке от древнего Шумера и современной Индии вовсе не упоминаются, а о западных коренных народах идёт речь разве что как о жертвах. Тем не менее, ключевая мысль Кина – о том, что современные демократии оперируют методами, которые принципиально отличаются от демократий, существовавших до 1945 года – представляется правильной и важной.

Кин определяет современную надзорную демократию как «пост-Вестминстерскую форму демократии, в которой механизмы надзора за властью и контроля над ней начали распространяться вширь и вглубь на всю структуру политического порядка» [1, XXVII]. Он открыто признаёт её в качестве «новой исторической формы демократии» [1, р. 688], в которой «определяющее влияние выборов, деятельности политических партий и парламента на жизнь граждан ослабевает» [1, р. 689]. Он выделяет три различные точки, в которых происходит сцепка надзорных механизмов с институтами представительной демократии: «участие граждан в деятельности правительства или органов гражданского общества... мониторинг и оспаривание [того], что называется входом и выходом политического процесса государственных и неправительственных организаций» [1, р. 692]. Далее он признаёт, что эти «надзорные механизмы бывают разных размеров и действуют на различных пространственных уровнях, начиная от самых локальных органов с исключительно местной «зоной покрытия»

и заканчивая глобальными системами, следящими за теми, чья власть распространяется на большие расстояния» [1, р. 692].

Кин относит рассвет надзорной демократии к моменту принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1, р. 731-734]. Уинстон Черчилль был одним из первых, кто прозрел наступление эры надзорной демократии. В своей знаменитой речи, произнесённой в парламенте 11 ноября 1947 года, он назвал демократию «худшей формой правления, за исключением всех тех других форм, которые были опробованы время от времени». Черчилль также заявил: «в нашей стране существует общее понимание того, что люди должны управлять, непрерывно управлять, и что общественное мнение, выраженное всеми конституционными средствами, должно формировать, направлять и контролировать действия министров, которые являются слугами людей, а не их хозяевами» [1, р. 581]. Кин называет это «непрерывным общественным бичеванием тех, кто осуществляет власть» [1, р. 817] со стороны (среди прочих) «десятков тысяч неправительственных правозащитных организаций», которые «считают себя побудителями совести правительств и граждан» [1, р. 735]. Существование надзорной демократии возможно благодаря наличию целой совокупности «промежуточных институтов, покрывающих всю пропасть между человеком и государством» [1, р. 734].

Если прямая демократия в конечном счёте умерла, то выборная демократия дошла только до предсмертного момента, после чего возродилась как надзорная демократия. Почему не случилось просто возрождения выборной демократии после её смертельной борьбы с тоталитаризмом во Второй Мировой войне? Кин не даёт прямого ответа, но объяснение кажется очевидным: сочетание всеобщего избирательного права и большого правительства делает настоящую представительную демократию неработоспособной. В контексте XIX века (ограниченного избирательного права и ограниченного правительства) можно предположить, что большинство членов политического класса непосредственно знали своих представителей, влияли на них и проявляли прямую заинтересованность в решениях правительств. Другими словами, избиратели могли эффективно контролировать правительство. Эта аристократическая версия представительной демократии не может существовать в условиях массового электората и современного бюрократического государства. К концу XIX века государствам уже были необходимы профессиональные надзиратели (monitors), которые выступали бы посредниками между простыми людьми и политикой на общегосударственном уровне; те представительные демократии, у которых таких надзирателей не оказалось в достаточном количестве, в итоге скатились в популизм и автократию.

Политические кризисы начала XX века были своего рода массовым вымиранием, после которого остались только те демократии, которым удалось сформировать надёжные надзорные институты и организации гражданского общества. Эти учреждения и организации значительно распространились после Второй мировой войны прежде всего в Соединённых Штатах, а также в других странах, и

заложили основу для глобальной экспансии выборной демократии. В частности, в пост-колониальном мире наблюдательные институты и организации гражданского общества сами продвигали демократизацию. В бедных странах и странах со средним уровнем дохода подобные учреждения и организации зачастую пользуются финансовой и административной поддержкой США и их союзников, американских организаций гражданского общества, а также неамериканскими структурами гражданского общества, которые, тем не менее, являются про-системными. По-настоящему анти-системные социальные движения (например, экофеминизм, сапатизм, пан-исламизм, да и марксизм) были изолированы, ограничены или вовсе уничтожены.

Система как таковая представляет собой надзорную национальную электоральную демократию, которая функционирует в глобальных рамках, в своих общих чертах определяемых могуществом США. Таким образом, проамериканский индуистский национализм в Индии считается приемлемым, в то время как анти-израильский национализм мусульман в Египте приемлемым не признаётся. Надзорных демократий предостаточно, но их жизнеспособность зависит в значительной степени от идентичности наблюдателей. Они могут законно (в глазах «мирового сообщества») предпринимать попытки свержения своих демократически избранных правительств, если эти правительства нарушают международно признанные нормы прав человека (и бизнеса). Про-системные надзорные учреждения и организации привлекают настолько больше финансовых средств и политической поддержки, чем анти-системные, что надзорная демократия в целом носит решительно про-системный характер. Голоса анти-системных механизмов становятся слышны только в условиях кризиса, но и тогда они, как правило, заглушаются. Возникает важный вопрос: если все жизнеспособные альтернативы выборной демократии одинаково про-системные, является ли при этом политическая система в целом подлинно демократической?

Насколько Соединённые Штаты являются демократией, настолько же они сами являются надзорной демократией. Но в мире, который характеризуется преобладанием ограниченного эффективного суверенитета, США, пожалуй, выступают единственной такой демократией. Все остальные страны (в различной степени) существуют в мире, где доминирует Американская империя. Они послушно ведут себя как местные демократии с (более или менее) ограниченными полномочиями самоуправления, которые существуют в рамках Американской надзорной империи. В противном случае, пытаясь проводить независимую политику, они подвергаются чрезвычайно жёсткому внешнему давлению.

Надзорная империя

Лидеров коренных народностей нельзя назвать сумасшедшими за то, что они обращаются в Конгресс США за поддержкой против своих правительств. Они рационально реагируют на сложившуюся структуру власти, которая определяет их возможности для оказания

влияния. Как однажды жители Китая обращались к императору за защитой от местных правителей, народы мира теперь обращаются с петициями к правительству США за поддержкой в борьбе против своих национальных государств. Кин признаёт, что «институты надзорной демократии, пристально следящие за властью», «уже не ограничиваются территорией государства» [1, р. 697], и подчёркивает, что эта «сетевая (latticed) модель надзора за властью эффективно скрывает различия между "внутренним" и "внешним", "местным" и "глобальным"» [1, р. 717]. Он, однако, не осознаёт ту степень, в которой демократия в одной части мира контролируется из другой. Нельзя сказать, что «сетевые модели наблюдения за властью» не имеют формы или структуры. Они соответствуют модели центр-периферийных отношений, которая охватывает весь мир, а в её центре находится Вашингтон.

Соединённые Штаты – не империя зла из научной фантастики, и присутствие надзорной империи далеко не везде означает попираание личных и политических свобод. В поисках исторической аналогии Американской империи история поздней Римской Республики является более показательной, нежели любой голливудский фильм. Внутренне Рим был разновидностью демократии: римские граждане пользовались существенными гражданскими и политическими правами, включая право избирать государственных лидеров. Конечно, внутренняя римская демократия была несовершенна, так же как и американская. В Сенате преобладают богачи, деньгами можно купить доступ к политическим лидерам, и невозможно претендовать на серьёзные государственные должности без существенной поддержки со стороны состоятельных классов. Широко распространена коррупция, политические лидеры, как правило, служат узким кругам сторонников, а не стране в целом, и популистская политика используется в расчёте на то, чтобы отвлечь малообразованных и политически неграмотных граждан, в то время как укоренившаяся элита управляет страной в своих собственных интересах.

Это описание внутренней демократической политики одинаково хорошо описывает современную Америку и поздний республиканский Рим. Параллели можно проложить и в области внешней политики. Республиканский Рим поддерживала группа ключевых латинских союзников, с которыми его объединял язык и полная функциональная совместимость в военной сфере: стандартный корпус римской армии за рубежом состоял из одного римского легиона в паре с одним легионом союзника. Латинские союзники имели широкую автономию в местном самоуправлении при условии, что их законы не вступали в противоречие с правами римских граждан или интересами Рима. Таким образом, можно провести очевидную параллель между латинскими союзниками Рима и англоязычными союзниками Америки. Нелатинские союзники Рима подобны американским партнёрам по НАТО и союзникам на Тихом океане. Как в случае Америки, так и Рима, союзники империи не подвергаются угнетению. Напротив, они сотрудничают для подчинения остальных. Однако и в древней Италии,

и в современных Европе и Азии не существует сомнений по поводу того, кто является империей, а кто лишь союзниками.

Железная пята Американской империи чувствуется наиболее остро в периферийных районах мира. Несомненно, страны Центральной и Южной Америки имеют долгую историю сопротивления империализму «янки». С 1945 года страны Северной Африки и Ближнего Востока, в которых преобладает мусульманское население, стали центральным объектом американского империализма. Со всем недавно Соединённые Штаты унаследовали от Европы титул нео-колониального властителя Африки: доказательством этому служит формирование в 2007 году Африканского командования вооружённых сил США и крупномасштабные операции спецназа США по всему континенту с того момента. Для учёных, которые живут в пределах Американской империи, всё это является само собой разумеющимся, но именно в этом, согласно Грамши, заключается критерий успешности империи: её существование начинают принимать как должное. С любой объективной точки зрения, экстраординарным является факт того, что американские войска одновременно в том или ином виде вовлечены в военные конфликты в Центральной Америке, Южной Америке, Африке, на Ближнем Востоке и Центральной Азии – и всё это в мирное время. Но проблема в том, что не существует позиции, с которой можно было бы вести объективные наблюдения.

Кин признаёт вездесущность американской империи, называя США «первой в мире военной империей, действующей в глобальном масштабе» [1, XXXI-XXXII], но он судя по всему не замечает влияния, которое оказывает этот факт на качество демократии в других странах. Вместо этого он продолжает мысль: «и то, что она делает, она делает во имя демократии, часто вступая в противоречия с Россией, Китаем и другими авторитарными государствами, которые не имеют ни любви, ни уважения к демократии» [1, XXXII]. Ближе к концу своего повествования он называет Соединённые Штаты «территориальной державой, стремящейся к трансформации всего мира для собственной выгоды, даже если для этого требуется использование методов, к которым её демократическая идеология питает стойкое отвращение: политический обман, использование экономического давления, запугивание и насилие» [1, р. 801]. Этот перечень американских грехов критикует Америку за несоблюдение собственных демократических идеалов; он ставит под сомнение прочность американской демократии. Однако Кин не обращает внимание на то, как использование Америкой «политического обмана, экономической мощи, запугивания и насилия» воздействует на качество демократии других стран.

В противоположность взглядам Кина тезис о надзорной империи утверждает, что мир уже стал американским. Это мир фактического юридического плюрализма, в котором великое множество решений, принимаемых большинством правительств либо явно (например, в договорах), либо неявно (например, через ментальное конструирование пределов возможного) учитывает позицию США. Некоторые из самых богатых и могущественных стран мира (Франция, Германия,

Япония), возможно, в какой-то мере являются самостоятельными надзорными демократиями, в которых сильные институты гражданского общества опосредуют демократический опыт своих граждан, почти не обращаясь к внешней сфере американского доминирования. США могли бы противодействовать им, если бы они выступали против американских позиций, но поскольку эти государства вовсе не собираются серьёзно оспаривать американские интересы, то это не имеет большого значения.

Для остальной части мира – почти наверняка для абсолютно большинства стран – надзорная империя выступает повседневной реальностью. Не только наиболее важные для них решения часто принимаются в Вашингтоне, но и многие из надзорных учреждений и организаций, которые опосредуют их местные демократии, напрямую финансируются из Вашингтона. Локальные акторы гражданского общества дополняются (или вытесняются) международными неправительственными организациями, которые служат посредниками между местным населением и Американской надзорной империей, а не между местным населением и их собственным правительством. Таким образом, местные общественные движения становятся созданиями надзорной империи, поскольку, чтобы быть эффективными, им необходимо оказывать влияние не на свои местные демократические правительства, а на правительство всемирной империи, которое фактически определяет политику в тех областях, на которые они стремятся влиять. По самой своей природе глобальные общественные движения – это порождения надзорной империи, а не надзорной демократии, поскольку не существует глобальной демократии, которую надо оберегать.

Последствия Американской мир-империи для гражданского общества и общественных движений

Тезис о надзорной демократии опирается на совокупность утверждений, которые сами по себе являются достаточно очевидными: Соединённые Штаты сохраняют огромное влияние во всём мире; если США влияют на внутреннюю ситуацию в стране, такая страна не может считаться самостоятельным политическим организмом; для того, чтобы быть в полной мере эффективными, институты и организации гражданского общества в таких странах должны ориентироваться как на их собственные правительства, так и на правительство США. Отличительная особенность данного тезиса заключается в том, что он связывает американское превосходство с новой всеобъемлющей структурой управления мир-системой в целом: Американской империей. Имеет ли значение для активистской практики общественных движений то, являются ли США лишь мощным политическим игроком в капиталистической мир-экономике или же главенствующим политическим субъектом в пост-капиталистической мир-империи? Или это просто научные споры без большого практического значения?

Суть концепции мир-империи в том, что в мир-империи рынки в конечном счёте не являются решающим фактором социальных перемен и, таким образом, не имеют принципиального значения при стремлении осуществить такие перемены. Общественные движения, которые продолжают бороться с несправедливостями рынка в пост-неолиберальном мире, бьют мимо цели. Так, например, социальные активисты, выступающие против мер экономии государственных расходов (*anti-austerity activists*) просто зря тратили бы своё время, пытаясь закрыть рынки облигаций или запретить финансовые деривативы. В капиталистической мир-экономике импульс к государственной экономии, возможно, исходил от безличных рыночных сил. Но в формирующейся Американской мир-империи линия на экономию госрасходов исходит от политических решений, принятых ориентированным на Америку транснациональным правящим классом и транслируемых посредством возглавляемой Америкой бюрократической машины государств, американоцентричных межправительственных организаций и продиктованных Америкой международных договоров. В этом контексте значительные социальные перемены требуют изменений на вершине глобальной классовой иерархии, а не изменений снизу. Возвращение рынков к основам общества, в духе Поланы, уже не является достаточным. Общество само является частью проблемы.

Активисты в современных антисистемных протестных движениях, кажется, понимают это лучше, чем учёные-социологи, которые занимаются их изучением. Протест в значительной степени вытеснил политику, и многие из протестов – в частности, движения из серии *Occupy*, *Anon*, пиратских партий и других нео-анархистских движений – имеют ярко выраженный пост-политический характер. Они прививают «отрицание представительства и представительной политики во всех её проявлениях, будь то в качестве стиля или режима функционирования оппозиционной политики, или в качестве руководящей парадигмы в форме либерально-демократической политики» [4, р. 160]. Эта чрезвычайно политизированная пост-политика используется активистами «в их стремлении сопротивляться... и утверждать себя в качестве акторов посредством живых акций и реальных действий» [2, р. 35]. В XXI веке наиболее заметные активисты отказались от демократической политики, потому что они признают (на уровне субъективных ощущений или – всё чаще – совершенно осознанно), что политику в тех сферах, которые интересуют их больше всего, невозможно подвергнуть эффективному демократическому контролю.

Для многих подобный взгляд может показаться слишком пессимистичным, но мерилом данной концепции является не то, насколько приятной она кажется, а то, насколько она полезна практически. Наиболее эффективный способ влиять на политику в рамках надзорной империи – это убедить имперские классы в праведности вашего дела, будь то поддержка беженцев или осуждение лидера повстанцев Джозефа Кони. Одним из результатов этого сдвига является то, что знаменитости и «звёзды» из медиа-пространства всё чаще выступа-

ют в качестве легко узнаваемых послов общественных движений. Разумеется, знаменитости могут способствовать увеличению привлекательности тех движений, которые до этого были мало известны. Однако более целесообразно обратить внимание на ту роль, которую они играют в рамках надзорной империи: знаменитости используются для того, чтобы стимулировать вмешательство империи в то или иное дело, а не для того, чтобы возбудить внутренний демократический энтузиазм по этому поводу. Участие знаменитостей и «звёзд» не призвано объединить людей в массовые политические движения; его цель в привлечении внимания богатых и влиятельных людей. Тогда как послевоенная надзорная демократия реагировала на массовые общественные организации и движения (в том числе национальные антивоенные движения, движения за гражданские права, экологию и права женщин), пост-неолиберальная надзорная империя реагирует на бюрократическую структуру элитарных общественных движений, которые преследуют ограниченные цели и в которых центральные роли часто принадлежат знаменитостям.

Вследствие перехода к надзорной империи массовые движения не перестанут существовать, но они перестанут достигать успеха. С этой точки зрения, пожалуй, не удивительно, что движение Оссиру – наиболее яркий образец современного общественного движения – отвергло саму цель достижения успеха. Подобным же образом Всемирный социальный форум (World Social Forum) знаменит (или печально известен) благодаря тому, что придаёт больше значения процессу, нежели приобретению власти и влияния. «Хактивисты» движения Anonymous не выступают за какую бы то ни было политическую модель. Тем не менее, они являются одними из самых успешных надзирающих акторов на современной мировой арене. Если успех общественного движения измерять фактическим осуществлением положительных социальных изменений, а не разговорами об изменениях, то многие из наиболее успешных сегодня акторов гражданского общества вообще не являются общественными движениями. Они – постполитические анти-акторы. Они – институциональные и организационные контролёры империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Keane, John. *The Life and Death of Democracy*. Sydney. Simon & Schuster, 2009.
2. Pleyers, Geoffrey. *Alter-Globalization: Becoming Actors in the Global Age*. Cambridge. Polity Press, 2010.
3. Tom Lantos Human Rights Commission. *The Rights of Indigenous Peoples: Latin America*. Washington. US House of Representatives, 2010.
4. Tormey, Simon. *Anti-Capitalism: A Beginner's Guide*, revised edition. London. Oneworld Publications, 2013.
5. Wallerstein, Immanuel. *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations*. Cambridge. Cambridge University Press, 1984.